

В. Г. ГЕЙМАН

«СОЧЕНИЕ СЛЕДА» В БЕЛОЗЕРСКОМ УЕЗДЕ XVII в.

Обширный архивный материал, отложившийся в результате деятельности воеводской приказной избы г. Белозерска и хранящейся ныне в архиве ЛОИИ, имеет большое значение для изучения истории органов местного управления России XVII в. Особенно важно, что этот материал дает возможность расширить и углубить сферу нашего исследования указанной проблемы. Существующая литература вопроса ограничивается почти исключительно деятельностью лишь самих воевод, оставляя в стороне подсобный аппарат воеводского управления, действующий на уездной территории. Между тем именно этот аппарат хорошо освещается архивными материалами Белозерской приказной избы. Предлагаемая статья имеет целью раскрыть один из моментов деятельности низших полицейских агентов воеводского управления (сотский, пятидесятский, десятский) — их участие в «сочинении следа».

Интересно отметить, что рассматриваемый судопроизводственный институт описан еще в Русской Правде. Дошедшие до нашего времени тексты Правды дают нам о нем следующие, впрочем очень скудные, сведения. Статья 77 Пространной Правды гласит: «Не будет ли татя, то по следу женуть; аже будет след ли к селу, или к товару, а не отсочат от себя следа, ни едут на след, или отобьются, то тем платити татьбу и продажу; а след гнати с чужими людьми и с послухи; аже погубят след на гостиньце на велице, а села не будеть, или на пуге, где-же не будет ни села, ни людий, то не платити ни продажи ни татьбы».¹ Здесь, как видим, дается лишь самая общая краткая схема, вызывающая у ее комментаторов ряд разногласий. Гораздо подробнее процедура процесса «следа» изложена в позднейших юридических памятниках, а именно

¹ Правда Русская, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 436. (Разрядка наша, — В. Г.).

в Уставной книге Разбойного приказа и в Уложении царя Алексея Михайловича, но все же и там мы имеем только схемы. Другой характер носят материалы, опубликованные М. К. Ясинским в его работе «„Село“ и „вервь“ Русской Правды» (Киев, 1906; оттиск из киевских «Университетских известий» за 1906 г.) и относящиеся к Западной Руси XVI в. Изучаемые нами документы Белозерской приказной избы дают возможность проследить на севере России XVII в. конкретные черты этого интересного института, восходящего к глубокой древности. Приведу несколько примеров.

Первым по времени документом архива Белозерской съезжей избы, в котором говорится о «сочении следа», является документ от 4 июня 1637 г. Следует, впрочем, отметить, что в документе этом участие сотских и пятидесятских вовсе не упомянуто, тогда как со второй половины XVII в. «сочение следа» на Белозере обязательно велось при их участии. Возможно, что институт низших полицейских агентов при воеводе — сотских, пятидесятских и десятских развивался лишь постепенно и в первой половине XVII в. не играл еще видной роли. Вот текст упомянутого документа 1637 г. В челобитной, поданной, как обычно, на царское имя, крестьянин Иткольской волости Васья Климов писал: «В нынешнем, государь во 145 [1637]-м году июня в 4 день в ночь зажжен у соседа моего в деревне Ваксевской овинник у крестьянина у Ульяна Ивайнова. И детишки мои увидели, что тот овинник горит, и побежали они отнимати; и на дороге сынишка моего Ивашка задавили удавом по горлу многие незнаемые люди и завертели клячем и кинули в реку в Пидьму замертво. И крестьяне тое волости розных поместий искали и нашли его мертва в реке, и откачали, стал жив. И следом ходили и след вышел на сухие места, где нет ни травы, ни грязей, без дороги на черный лес, и на дорогах след разшелся, высочить следу не могли». Челобитная эта была подана в Белозерскую съезжую избу воеводе князю П. Н. Звенигородскому.

29 ноября 1661 г. «учинилася гибель» в селе Покровском Кирилло-Белозерского монастыря: «у монастырские житницы сломили замок висячей и житницу покрали, вынесли ржи и овса. И села Покровского приказшичек Смирка Булыгов да сотцкой Ивашко Барсуков, взяв с собою понятых и с теми понятыми людьми следу смотрили и розыскивали, и след от монастырские житницы дошел до села Никольского до поместья Д. М. Ащерина, до полевые клетки, и до двора Пятунки Фирилева з братьею, и тот Пятунка з братьею следу от себя не отвел. На следу был и следовую память записал села Покровского

² ЛОИИ, Белозерск. приказн. изба, картон V, № 64.

дьячек Панка Барсуков». Дело это слушалось в феврале 1662 г. в Белозерской губной избе, причем вели дело совместно воевода князь И. Т. Вадбальской и губной староста И. И. Воропанов. Конец дела не сохранился.³

В декабре 1667 г. белозерскому воеводе П. Е. Моложанинову писал из Вологды специально присланный туда Москвою «сыскных дел стольник» Иван Нащокин, что к нему явился сотский Южской волости (Вологодского уезда) и подал «следовую записку», из которой видно, что он со своими «сотенными людьми» «высочили воровской след» разбойников, напавших на двор вологодского помещика Ивана Бердяева. «И тот-де воровской разбойничей след пошел большою дорогою в Белозерский уезд в Череповскую волость Ферапонтова монастыря, села Казахты в деревню Горку и на той монастырской земле разбойничей след разшелся и сыскать не могли, а монастырский приказчик Васька Васильев и староста с монастырской земли следу с того места не отвели». Иван Нащокин просит Белозерского воеводу послать в село Казахту белозерских приставов «и велеть того приказчика Ваську Васильева и старосту поимать, а поймав сковать, а сковав прислать их ко мне на Вологду з белозерскими приставами в том следовом разбойном неотводе к роспросу и к очной ставке».⁴ По этой отписке воевода П. Е. Моложанинов дал наказную память приставам о выполнении указаний Нащокина с тем, чтобы скованных приказчика и старосту привезти сначала на Белоозеро в съезжую избу. Здесь характерна централизация управления, выражающаяся в действительной связи между управлением разных городов для достижения общей государственной цели, в данном случае — борьбы с преступностью. Впрочем, употребленное здесь выражение «борьба с преступностью» требует некоторого уточнения. Ведь в данном случае мы имеем факт нападения «разбойников», несомненно крестьян, на помещичий двор; может быть, здесь перед нами случай не простого грабежа, а эпизод, отражающий классовую борьбу крестьян против помещиков, эпизод, не совсем ясный для нас ввиду отсутствия в документах каких-либо подробностей. Если признать такое толкование данного эпизода правильным, то и «общая государственная цель» получит новое идеологическое освещение, — это не борьба с преступностью вообще, а классовая борьба правительства дворян-помещиков против крестьян.

10 января 1671 г. был обокраден амбар у крестьянина деревни Чистого Дору Якова Онцифорова: «вывезли из онбара

³ Там же, картон IX, № 65.

⁴ Там же, картон XI, № 9.

хлеб и всякие животы крестьянские. И он Яков собрал на след соцкого (и двух десятских) и соцкой и десяцкие пришли с понятыми людьми на след и след высочили: след пришел из Иткольской волости к онбару и от онбара след пошел в ту же Иткольскую волость, конной на санях, и след пришел от Чистого Дору к деревне Понамареве на землю Ивана Сергиева Вышеславцева и его Ивановы крестьяне след приняли и след от своей деревни Понамаревы отвели, след пошел на озеро и озером дошел до деревни Дреневи на водопой. И повестили на след крестьянина (очевидно, деревни Дреновой, — В. Г.) Исака Лаврентьева, и он след принял и отвел и след пошел озером же и пришел след на ростани (т. е. на развилку дорог, — В. Г.), дорога пошла с ростаней на большую дорогу на соляную, а другая дорога пошла в деревню Гридинскую, и к деревне Гридинской с ростаней пошел след пешей и следом рожь трушена по дороге, а санной след пошел на большую дорогу и на большой дороге след затерт. И пошли пешим следом к деревне Гридинской, куды рожь трушена... И соцкой с понятыми людьми пошли в деревню Гридинскую, и в те поры из деревни Гридинские побежало 5 человек к овину, и до деревни следом рожь трушена. И мы пришли в деревню Гридинскую и спросали дома ли де Григорей да Евсевой (т. е. обитатели этой деревни, — В. Г.), и сестра их старица Агафья сказала, что-де дома никого нет. И я, соцкой, и десяцкие и с понятыми людьми пошел от деревни прочь и вышли назад на озеро, и Григорей и Евсевой пришли к нам на озеро и почали нам то говорить, что де пойдите к нам на обыск, либо де нас хто, дурак, подкинул, и обыскивайте у нас во дворе и в клитях и в овине и в житницах и везде и по дорогам, куды дрова возили и сено, а иных дорог от нас никуды нет. И я, соцкой, и десяцкие и понятые люди тут и следовую записку учинили. А записку писал по ево соцкову и десяцких и понятых людей по их велению Иткольские волости дьячек Володимерко Марков».

Итак, перед нами картина нормального «сочения следа». Обворованный сам обращается к местной администрации в лице сотского и десятских и вызывает их к месту происшествия. Эти последние привлекают понятых людей. След на месте виден и сотский отмечает: «и след высочили». Совершенно ясно, что данное выражение обозначает, что преследующие точно устанавливают лишь начало следа и идут по нему. Процедура такова. Преследующая группа людей (они часто называются в документах «погонными» людьми, от слова «погоня», или «следовыми» людьми) идет по следу. Если след подходит

⁵ Там же, картон XIII, № 9.

к какому-либо населенному пункту, то вызываются живущие там люди и им предлагается «принять след», т. е., другими словами, согласиться с тем, что «воровской след» действительно привел именно к их местожительству. Если отрицать это невозможно, то, естественно, местные жители должны присоединиться к «погонным» людям и, тщательно исследуя «след», постараться отвести его от себя и повести дальше. В приведенном выше случае это удалось, т. е. удалось установить, что «след» пошел дальше. Погоня снова отправляется по продолжению следа. В приведенном случае положение осложнилось; по видимому, погоня почти догнала воров, какие-то неизвестные люди разбежались из последнего населенного пункта, но самих хозяев не оказалось дома. Ясно, что на них падает вполне основательное подозрение, что они являются если не самими ворами, то укрывателями их. Возвратясь домой, хозяева спешат себя реабилитировать и приглашают «погонных» людей произвести обыск, чтобы убедиться, что краденных вещей у них не находится. Из приведенного выше дела не ясно, был ли произведен таковой обыск или нет; очень может быть, что обыск был произведен, но, по-видимому, ничего не было найдено и «погонные» люди во главе с сотским тут же составили «следовую записку», т. е. протокол или акт, фиксирующий весь ход событий.

Приведем выдержки еще из одного дела, представляющего некоторый интерес как потому, что оно снова демонстрирует связь деятельности воевод разных уездов, так и по некоторым подробностям, в частности по тем попутным признакам, на которые «погонные» люди обращают особое внимание при «сочинении следа», и, наконец, по фиксации вооруженного сопротивления, которое иногда оказывали преследуемые «воры» своим преследователям, т. е. «погонным» людям. Характерно, что в данном случае разбойничью шайку возглавлял белозерский помещик, сын боярский, некий Яков Доводчиков.

Воевода Чарондского уезда Иван Бачманов 3 марта 1671 г. прислал белозерскому воеводе Василию Дохтурову отписку, в которой сообщал, «что сего февраля, против 21-го числа, приезжали из Белозерского уезда, Павшезерские волости, разбоем с оружием, на многих лошадах в Шальскую волость (Чарондского уезда) в деревню Конешную и у крестьян у Калининки Дмитриева и у Конки Андреева их жен перевязали и из ушей серьги повыврвали и из их дворов и из клетей всякой их живот платье мужское и женское и всякой животоцкой завод без остатку, и хлеба ржи и овса и ячмени вывезли 36 четвертей да невейницы ржаной и ячной 4 четверти да пелевного овса 2 четверти, и увели мерина рыжа лыса, и всё без останку побрали. И следом тем Шальской волости соцкой Ларка Гри-

горьев с погонными людьми в Павшезерскую волость дошли до деревни Трифоновские и той деревни крестьяне Стенько Иванов с соседями след воровской, что дорогоу хлеб сыпан, приняв и от своей деревни след отвели к деревне Капосове, в поместье Афанасья Денисова Фонвизина, и той деревни крестьяне Харитонко Семенов, прозвище Будилко, с соседями давались на сыск и отвели след той же боярщины до деревни Лерионовское [и там] у Фильки да у Андрюшки Онтроповых нашли на дворе лошадь спарена потна, а отводу Филька и Андрюшка не дали, куды ездили. И от той деревни воровской же след иной пошел в деревню Микулину, в поместье Федора Григорьева сына Уварова, и в той деревне у десяцково у Мокейка Давыдова нашли во дворе лошадь потна ж спарена, и отводу не дали ж, куды на лошаде ездили; и тое ж боярщины воровской же след догнали до деревни Ушаковы, и той деревни у крестьян у Федьки, прозвище Сиреницы, и у Федьки и у Антропка и у Дениска на воровском следу у их ворот рожь и ячмень и овес сыпан, а воры разбойники по дворам у них. И они де тех воров хотели имати и ис тех дворов Федька Сиреница с теми воры вышли с оружием и их учили бити на смерть и от деревни отбили, и они де, бояся от них смертного убивства, что бьют на смерть, едва ушли. А иных де боярщин крестьяне тех воров имати не пособляют, тем ворах нороят». Последняя фраза наводит на предположение, что здесь мы имеем случай не простого грабежа, а каких-то крестьянских волнений.

Обращаясь к белозерскому воеводе, чарондский воевода далее писал: «И тебе б, господине, по указу великого государя послати по тех воров и велети тех воров переимати и прислати того сведомого (sic!) вора Якова Доводчикова (и других) к воровским делам на Чаронду... а на того ведомого вора на Якова Доводчикова на Чаронде в приказной избе многие известные челобитные и следовые записки и распросные речи имянуют, и во многих воровствах на того ведомого вора на Якова Доводчикова языки говорили в воровстве его и в конских уводах... и в находе...». В ответной отписке воевода Дохтуров сообщал Бачманову, что выслать Доводчикова в Чаронду он не может, так как на Доводчикова имеется целый ряд челобитных и на самом Белоозере, что Доводчиков арестован и о нем идет следствие. Вообще вся семья дворян Доводчиковых оказалась «ведомыми ворами, разбойниками, зажигальщиками и разорителями». Разбойничали они вместе со своими людьми и крестьянами. Дело это велось в Белозерской съезжей избе перед воеводой Дохтуровым и губным старостой Торжневым. Конец дела утрачен, но из сохранившейся части делопроизводства

усматривается, что помещики всячески выгораживались, а вся тяжесть обвинения сваливалась на их крестьян.⁶

Иногда, по-видимому, при спешности погони можно было обходиться и без участия сотских или пятидесятских. Вот, например, как описывают крестьяне Коркутской волости происшедший у них случай: «179 [1671] года марта против 25 дне в ночи в Коркутцкой волости, в деревне Левкове, учинился крик и вопль, а у церкви колокола звон, и услышали Коркутцкие волости крестьяне... и все крестьяне разных поместий прибегли на крик к [крестьянам деревни Левкова] и они в избах заперты бревнами, и они нам сказали: приезжали де к нам воры неведомые на конех в санях и пешые на лыжах многие люди и животишка наши и остатки во дворовых клетях пограбили, и хлеб из онбаров грабежем увезли, и в избные окна копьями и рогатинами кололи и он, Веденис (один из запертых крестьян, — В. Г.), боронясь от смерти, из избы окном рогатиною одного человека колол неведомо во что, и на улице под окном крови знать немного капало, а около тое деревни след, знать, на конях с санми, и пеших на лыжах, многих людей и хлеб на улице сыпан, и след конной и пешей пошел из той деревни Кирило-Белозерского монастыря в вотчину села Бабатозера. И мы с ними (т. е. с крестьянами деревни Левкова, — В. Г.) за воровскими людьми следом пошли, и пришед мы на озеро, не дошед села Бабатозера, и с озера дороги разошлись многие во все деревни монастырские, и тут знать, что воровские люди розъехалися на конех, и пешие на лыжах разошлись во все деревни монастырские. И мы вызвали тех монастырских крестьян, выборного Амроса Прокопьева... (и других, — В. Г.), и они нам следу не отвели, и коней не показали, и на обыск не дались, учинилися сильны. А из их волости, из тех монастырских деревень в иные волости тот воровской след не пошел. То наша следовая, и речи. А следовую писал...».⁷ Как видим, здесь сотские и пятидесятские совсем не упоминаются.

Приведем некоторые выводы, к которым мы пришли в результате анализа многих «следовых записей». Какие причины мешали «высачивать след»? Основная причина — это выход следа на большую дорогу. Вот целый ряд соответствующих цитат из следовых записок: «А на той пустоши стала дорога большая и след истерялся»; «И след вышел на большую дорогу и следу сочить не могли: дорогою едут и идут»; «След пошел на большую дорогу и на большой дороге след затерт»; «И след

⁶ Там же, № 13.

⁷ Там же, № 9.

тою дорогою лапотный и пошел на большую дорогу и больше того следу принять не могли, потому что дороги торные» и т. д. Недаром и Русская Правда особо отмечает случай: «аже погубят след на гостиньце на велице», — и, конечно, правы те комментаторы, которые толкуют это место, как «на большой дороге». Приведенные выше тексты подтверждают это толкование с несомненностью. Иногда высачиванию следа мешает погода: «Следу сочить не могли, погодые пришло от норядное» или: «И следу высочить не могли, что стало под тучю, выпала дожда туча, след замыло».

Сбщее правило (формальная процедура) требует, чтобы начало следа было указано «погонным» людям самими заинтересованными лицами, в противном случае это особо оговаривается в следовой записке: «И тот Федор Харитовнов (т. е. покраденный крестьянин, обратившийся к пятидесятскому и к десятским, — В. Г.) следу нам из овина (который был покраден, — В. Г.) не дал» — и в таком случае «погонные» или «следовые» люди спокойно протоколируют: «а дорога пришла возле овина из волости в волость: следу сочить не могли». В одном случае записано: «И ево (понятого, — В. Г.) призвали на след и он пришел и след ему тот сотцкий указал по конец поля и шерсть обронную указали». По-видимому, здесь перед нами определенная юридическая формула. Конечно, понятой и сам видит след, но формула требует, чтобы след этот был ему указан сотским или потерпевшим от кражи лицом. «Следовые» люди внимательно изучают след: они отмечают следы, конный, пеший, санный — полозовый, лыжный, лапотной и т. п.; они тщательно присматриваются к тому, не теряют ли убегающие воры или разбойники какие-либо части награбленного имущества. Когда был покраден хлеб, то они ищут просыпанный: «и хлеб на улице сыпан»; если же была покрадена шерсть, то они ищут «обронную шерсть», и она помогает им двигаться по верному следу. Если при обороне кто-либо из разбойников бывал ранен, то «следовые» люди ищут на следу капель крови. 26 марта 1671 г. был ограблен «бобылек Окинко Иванов, насильно ево бобыльские животцы взяли: коробку и платье, жену ево за горло давили, и она, боронясь, руку у нево (т. е. у грабителя, — В. Г.) ранила — зубом ела до крови. И мы (т. е. «следовые» люди, — В. Г.) у тое Окинкины избенка досматривали: на пороге у сенец кровка пала, и с дворишка след пошел в поле дорогою и на том следу по дороге кровка пала ж. и на выходе на лыжнице кровка пала ж подле дороги, и коробка на дороге ставлена, и след пошел тою дорогою и в другом месте на той дороге коробка ставлена ж». Напоминаем, что среди покраденных вещей специально была

указана «коробка» и, очевидно, на снегу отпечатывался след, когда вор, отдыхая, ставил ее на землю.

Когда крестьяне почему-либо не могут отвести от себя следа, то, чтобы отвести подозрение в краже, предлагают произвести у них обыск: «А тое деревни Куземина крестьяне сотского и понятых на обыск давались и звали». Иногда же, очевидно чувствуя себя виновными, пытаются замести ведущий к ним след. Такой именно случай сохранила нам одна следовая записка: след привел к деревне Починок, «и те крестьяне следу не отвели и вязатца десяцкому не дались, и тот крестьянин (т. е. один из подозреваемых, — В. Г.) приеждал поутру и след заминал и соломы положил, только сухник, и поехал напреди понятых и знать как ставлены мехи (помехи, — В. Г.) на дороге и складены, поутру и везены. То наша и следовая. А следовую писал... поп». Поп этот совершенно безграмотный, путает буквы и переставляет целые слога, читать приходится больше по догадке, но все же совершенно ясно, что здесь мы имеем случай, когда подозреваемые крестьяне пытаются замести идущий к ним «воровской след».

Наконец, возможные случаи, когда обвиняемые, к которым привел след, вовсе не отпираются от предъявляемого к ним обвинения. Так, например, мы встречаем «следовую записку» с таким своеобразным содержанием. Разыскивается незаконно свезенный с поля хлеб: «И те мы, понятые люди, ходили на след, и та государева записная рожь (т. е. рожь, подлежавшая временному секвестру, — В. Г.) свезена в Шольскую волость, и как мы, следовые люди, за тою рожью тем следом в те деревни пришли и крестьяне с товарищи не поперлись: с тое мы нивы рожь свезли, потому что челобитья от него (т. е. от хозяина ржи, — В. Г.) не бывало и записки тое мы не видали».

Обратим теперь внимание на ту формальную роль, которая придавалась администрацией наличию «следовой записки». В ноябре 1675 г. в Белозерскую съезжую избу явился пятидесятский Озадской волости Степка Тимофеев и подал явочную челобитную, что у них в волости была совершена кража, что он ходил с понятыми людьми следом «за теми неведомыми ворами», что по следу нашел схороненные украденные вещи и обнаружил самого вора. Воевода сразу же обратил внимание на отсутствие в деле «следовой записки» и в своей помете распорядился: «челобитье записать, а пятидесятцкого прѣ следовую записку допросить, а против его извету по Федоровых крестьян (т. е. предполагаемых воров, — В. Г.) послать». В допросе пятидесятский повторил с дополнениями все то, что он написал в своей челобитной и добавил: «Следовой-де

записки о том у него пятидесятцкого написать было некому — дьячка-де у них в приходе нет и ево-де Карпушки (т. е. предполагаемого вора, — В. Г.) он пятидесятцкой без записки в город на Белоозеро не повел и о том он, пятидесятцкой, пришел на Белоозеро в съезжую избу известить».⁸ Отсутствие «следовой записки», несмотря на то, что явился сам пятидесятцкий лично и подал явочную челобитную, особо обращает на себя внимание воеводы. В этом можно видеть стремление воеводы соблюсти некоторую, хотя бы формальную, законность.

Другой пример. Начатое в Белоозерской съезжей избе судное дело о свозе в 1674 г. хлеба одним помещиком у другого было затем перенесено в Москву в соответствующий приказ. Приказ этот потребовал, между прочим, присылки в подлиннике «следовой записки», составленной по этому делу местным пятидесятцким и десятцким. Следовательно, и высшая судебная инстанция, в данном случае в лице московского приказа, признавала официальную юридическую значимость документов, исходящих от сотских, пятидесятцких и десятцких.⁹

«Следовая записка», чтобы иметь законную юридическую силу, должна была быть написана с соблюдением определенных формальных условий. Так, например, в мае—июле 1672 г. в Белоозерской губной избе велось дело нескольких крестьян Киснемской волости в неотводе ими от своей деревни «воровского следа», по которому пришли к ним «погонные люди». Обвиняемые крестьяне отмечали формальные недостатки: во-первых, что с «погонными» людьми не было ни сотского, ни пятидесятцкого, ни десятцких и, во-вторых, что «следовую записку» «погонные» люди написали не на месте происшествия, а у себя дома, спустя многое время. Крестьяне утверждали, что они не отвели следа потому, что след на твердой дороге затерялся. Повальный обыск дал им хорошие характеристики, и они были отпущены из губной избы на поруки. Очевидно, формальные упущения в процессе «сочения следа» и в составлении «следовой записки» также сыграли свою роль в вопросе об освобождении привлекавшихся к ответственности по этому делу крестьян.

⁸ Там же, картон XVI, № 3.

⁹ Там же, картон XVII, № 33.